

Лехан ведь не мог попасть в рай.

Смутные сомнения вновь терзали меня насчет того, что брат мой, встретивший свою смерть раньше меня, умудрился оказаться в раю – а в том, что это был рай, я ни капли не сомневалась.

— И он тут?

— Почему вы все время задаете мне странные вопросы? Где же еще быть мастеру, как не в поместье графа?

— Но он не мог попасть в рай... — уж было хотела возразить я няне, но поспешно закрыла рот. Что-то она только что сказала?

— Где я?

Голос мой прозвучал грубо. Брови сошлись на переносице.

Няня, разглаживая морщинки на моем лбу, терпеливо ответила:

— Вы в поместье графа Белуа, Империи Бельферни, в чердачной комнате пристройки. Молодая леди, вы все еще не проснулись?

— Поместье графа?

Оно ведь сгорело месяц назад, как раз-таки после ареста отца и Лехана. Я собственными глазами видела, как от имения остался лишь обугленный остов...

Что-то не сходится.

Нерешительно прижав руки к груди, я оглядела комнату.

Да, я знаю эту комнату.

Это была комната покаяния – старая чердачная комнатуха, которую в пору моего детства использовал отец для того, чтобы наказывать меня и Лехана.

Я страх как ненавидела тьму и одиночество, что окутывали меня в этой каморке, однако с тех пор, как мне исполнилось двенадцать, сюда я не возвращалась.

— Молодая леди?

— А сколько... сколько мне сегодня исполняется?

— Ну, раз ваш день рождения сегодня, то двенадцать лет.

— ...Двенадцать?

Когда мертвенная бледность покрыла мое лицо, а сама я от шока застыла на месте, нянюшка бросила на меня обеспокоенный взгляд.

Этого не может быть. Путешествий во времени не существует. Двенадцать лет? Когда я умирала, мне было уже восемнадцать.

Под взволнованным няниным взглядом я бросилась к двери.

Раз это поместье, а это – комната покаяния, то в маленькой спальне по соседству должен был спать Лехан. Маленький мальчик, в детстве бывший мне верным братом, всегда ложился спать в комнате рядом, когда саму меня отправляли каяться. Потому что он знал, как ужасно я боюсь одиночества.

— Лехан, Леха-ан! — прокричала я, чтобы привлечь его внимание.

Дверь, крепко сколоченная из досок павловнии*, была заперта. Трясаясь от страха, я начала колотить в нее руками.

[*Павловния (также известна как Адамово дерево) — многолетнее высокорослое и быстрорастущее листопадное растение с очень крупными листьями и красивыми душистыми соцветиями из нежно-фиолетовых (иногда белых) цветов.]

Будь там, будь там. Прошу тебя.

— Леха-ан! Это я, Лариет. Открой дверь! Ты там?

Голос мой, полный отчаяния, чуть не сорвался в рыдания. Я так сильно хотела вновь встретиться с моим братом, настолько сильно, что ради него пошла бы в ад, ибо перед самой его смертью я так и не смогла нормально с ним попрощаться.

— Леха-ан!

— Что случилось? — прозвучало в ответ.

Тяжелая дверь быстро отворилась, и из-за нее выскочил мальчик в наспех застегнутой пижаме.

Хоть он и не был тем крепко сложенным молодым человеком, каким я помнила своего брата, но в мальчишеских чертах определенно угадывался Лехан.

Да, передо мной стоял Лехан.

Каштановые волосы того глубокого цвета, который носили все Белуа, совсем не походили на мои тонкие светлые пряди, и сейчас они, спутанные и взъерошенные, закрывали пол-лица мальчишки.

Я со всей своей сестринской нежностью обняла моего озадаченного брата.

Лехан внимательно посмотрел на меня, стерпев мой неожиданный порыв любви. Его глаза всегда отличались куда большей серьезностью, чем у остальных детей.

— Вам приснился кошмар?

Лехан не позволял себе фамильярничать со мной с моих десяти лет.

Как же я была рада услышать этот раздражающе вежливый тон. Много с Леханом мы спорили, злились, ругались, однако брат ни разу не пренебрег своей привычкой разговаривать со мной сдержанно. До самой смерти.

Не в силах сдержать улыбку и слезы, я поцеловала Лехана в щеку.

— С добрым утром, Лехан.

— С днем рождения, сестра, — скупое бросил мне брат.

Мокрыми от слез руками я оттерла глаза.

Одежду, которую по правилу должна была приготовить горничная, я разложила на кровати.

Передо мной лежало теплое зимнее платье из бобровой шерсти, темно-зеленое, превосходно сочетающееся со светлой бархатной лентой для волос, которой я обязательно повяжу свои каштановые волосы.

Хоть от волнения я не чувствовала холода, мне достало ума понять, насколько же сейчас я худенькая, особенно когда в руках мне приходилось держать тяжелую, роскошно обшитую золотом одежду. Я-то носилась всюду в одной своей ночной сорочке.

Теперь я понимаю чувства няни, которой приходилось везде следовать за мной в мои двенадцать. Я была очень болезненным ребенком.

Вздвигнув, я притопнула ногой и поспешила надеть платье.

Мелкий аристократ, гордо подняв нос, непременно бы ожидал прихода горничной, чтобы та нарядила его к выходу. У меня же не было даже собственной прислуги, и все из-за бережливости моего отца.

Нянюшка, вернувшись в комнату с водой для умывания, уж было протянула ко мне руки, чтобы помочь одеться, но не успела она сделать и шагу, как я сама нырнула в платье.

— Ох, молодая леди! Где же вы научились самостоятельно одеваться?

— Мне ведь уже двенадцать!

Впервые я оделась без помощи няни в четырнадцать лет, на два года позже, чем сейчас. Конечно, я и до этого знала, как надевать на себя платье, но тогда я стала достаточно взрослой, чтобы обходиться без няниной подмоги.

Я приняла горделивую позу, будто бы с самого начала была такой самостоятельной. Обернувшись к удивленной няне, я лишь пожала плечами.

— Я уже выросла.

— И то правда, моя девочка уже выросла.

Мне казалось, няня будет гордиться моим умением самостоятельно одеваться, однако она почему-то стала выглядеть расстроенной. Лицо ее осветила вымученная улыбка, нет, правильнее сказать, прискорбная.

Подбежав к няне, я раскрыла свои объятия, чтобы эта неуклюже фальшивая улыбка поскорее сбежала с ее лица.

— Обними меня, няня.

— А?

— Здесь холодно. Обними меня.

Голос мой стал донельзя капризным, но няню, похоже, тронула моя избалованность.

Как только няня сжала меня в своих объятиях, я расплела свои волосы.

— Теперь, когда я оделась, причеши меня и надень мне обувь.

— О боже, молодая леди. Вы же только что сказали, что выросли.

— А еще умой мне лицо.

— Ну если только сегодня. Все-таки у вас день рождения.

Беспомощная перед моими капризами, няня усадила меня перед туалетным столиком, однако в выражении ее лица я уловила толику радости.

Мы с Леханом с каждым днем становились все старше и старше, и, видя наше взросление, няня не могла скрыть своих горьких чувств.

Но, как и все дети, мы с братом жаждали поскорее стать взрослыми.

Чем больше наш отец подчеркивал важность быть образцом аристократии и необходимость выполнять свой долг, тем крепче становились мои надежды, что спустя время я стану благородной дамой, способной самой определять собственную судьбу.

В детстве я не особо задумывалась, что рядом со мной няня постоянно быть не сможет.

— Хотите, чтобы я вас заплела?

— Да. Нянины прически всегда красивее тех, что делает Дороти.

Слова я эти сказала специально, чтобы поднять няне настроение, хотя в них не было ни капли лжи. Дороти могла с моими волосами разве что воевать, поэтому иногда результатом борьбы с ними становился бардак на моей голове.

Я улыбнулась, взглянув на няню в зеркало и заприметив, как та довольно усмехнулась. Узнай она, что я услышала ее довольное фыркание, непременно бы смутилась.

— Нянь, даже когда я стану взрослой, а ты возвратишься домой, обязательно навещай меня каждый день.

Нянюшка тихо посмеялась над моими словами. Я прикрыла глаза, наслаждаясь этим нежным смехом. Нянина рука ласково расчесывала мне волосы.

Давно она не касалась моих волос. С самого моего пятнадцатилетия, когда няня вернулась к себе на родину, в Коэн. А на следующей год она умерла.

Я нахмурилась, думая о том, что даже близко не подпущу няню к повозкам.

— К тому времени вы и сами уедете из поместья, — слышался ответ после непродолжительного молчания.

Мне оставалось только фыркнуть. Я-то знаю, что даже к своему восемнадцатилетию не выйду

замуж.

Белуа была уважаемой семьей, но, надо отдать должное, разговоры о браке в ней даже не заводились.

В какой-то степени было даже немного странно, что ни одна из аристократических семей не желала устанавливать связь с Белуа через свадьбу со мной. Это казалось несколько унижительным, и до сих пор не укладывается у меня в голове.

Лехан, младше меня на целый год, в свои пятнадцать уже всюду заводил знакомства с девушками и бывал у них на банкетах. Популярность моего брата была настолько большой, что даже провинциальные бароны знали его имя.

Я же казалась самой что ни на есть обычной. Дочь графа Белуа. В высшем обществе пользовалась уважением. Только вот была известна тем, что не имела при себе любовника, пусть даже и тайного.

Да не сказать, чтобы фигура у меня была плоха, с этим все было хорошо. Может, моя раздражительность сыграла в этом роль.

Ну, воспитание моего отца сделало из меня весьма скупого на эмоции человека. Пусть даже я не нравилась мужчинам, не думаю, что в браке по расчету любви предавали столь огромное значение.

Семья Белуа славилась своим добрым именем у них была хорошая репутация в этом кругу . Большинство же аристократов, тщеславны , заносчивы и великодушием своим явно не отличались.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/49029/2339092>